

ДОЛГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV В. ДО Н. Э. В РИМЕ (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Долговое рабство – явление, свойственное социально-экономическому развитию всех раннерабовладельческих обществ. Не была исключением в этом отношении и римская *civitas*. Проблема долгов была одним из самых больших вопросов римского общества в эпоху борьбы патрициев и плебеев. Один из наиболее важных и ранних документов – Законы Двенадцати таблиц фиксируют и само существование долгового рабства, и тяжелое положение кабальных должников (III, 1–6). Законодательное оформление долговых отношений в Риме было вызвано как свойственной ранним обществам тенденцией фиксировать нормы обычного права, так и значительным его развитием к середине V в. до н.э. Кабальные должники неоднократно упоминаются в „*Libri ab urbe condita*“ Тита Ливия, в биографиях политических деятелей Рима Плутарха, у Дионисия Галикарнасского и в других источниках.

С юридической точки зрения, существуют две формы долговых отношений, две группы должников – *nexi* и *addicti*. Ливий во всех без исключения случаях пользуется термином *nexi*, в то время как в греческой традиции (Дионисий Галикарнасский, Плутарх) принято понятие *dulos* (хотя этим термином обозначают раба вообще) и производные от него – *duletheia* и *dulusthai*. Ливий по отношению к рабам как таковым употребляет слово *servus*.

Отмеченные в римской традиции две категории рабов-должников имеют существенные отличия друг от друга. Во-первых, *addicti* – это арестованные за долги по приговору судебного магистрата вследствие невыполнения обязательств, возникших на основании формального контракта. *Nexi* арестовываются без посредства судебных органов, в силу невыполнения обязательств, возникших на основе словесного контракта. Во-вторых, кредитор обладает более широкими правами относительно первых. Считается, что *nexum* – очень древнее обязательство. По всей видимости, этот акт зародился в те времена, когда деньги как таковые в Риме не существовали, и слитки меди, служа монетами, должны были взвешиваться. Отсюда выражение „*per aes et libram*“, которое является составной частью всех определений понятия „*nexum*“, используемыми древними юристами: их проводит Фест (*Fest*, 165) и Варрон (*Varr. L. L.* VII, 105). *Nexum* состоял из двух актов – объявления условий контракта (срока уплаты долга, размера процентов и т.д.) и вручения – действительного или символического – ссужаемых денег, совершаемого с применением формальной продажи. По окончании установленного

срока должник обязан был полностью расплатиться с кредитором. Если в силу каких-то причин должник не мог сделать этого, ростовщик давал отсрочку на 30 дней и лишь после этого, в случае невыполнения обязательства, должник становился *nexus*. Так выглядела более легкая форма ареста за долги – *nexum se dare*. В отличие от *addictus* она позволяла избежать последствий долгового права, а именно – быть проданным за Тибр или быть преданным смертной казни. В вопросе относительно положения *nexus* у кредитора мнения исследователей совпадают: должник обязан был работать на кредитора и мог быть подвергнут им телесным наказаниям, наложению оков и даже посажен в тюрьму. Юридически он сохранял свободу, гражданские права и мог даже служить в легионе, правда, пользовался ли на деле должник во время ареста своими политическими правами – неизвестно. Должник, согласно Фесту, мог обрести свободу, поскольку наряду с другими правовыми действиями, связанными с положением должника, в *nexum* входила еще *nexi liberatio* (Fest, 165). Эта процедура в своем развитии также претерпела изменения. Для древнейшего периода долгового права она, по всей видимости, означала освобождение уже закованного должника с помощью третьего лица, которое платило за освобождение. Отсюда образовалась более поздняя правовая сделка *nexi liberatio* – торжественная уплата суммы выкупа ростовщику, которая, наконец, стала символическим актом после того, как появились монетные деньги.

Ко второй половине IV в. до н.э. относится целый ряд попыток разрешения долгового вопроса законодательным путем. Долговое законодательство отмеченного периода прошло в своем развитии два последовательных этапа. Вначале несколько раз была сделана попытка ограничить законодательным путем ростовщический процент вплоть до его отмены, затем законом, который известен как *lex Poetelia*, была отменена долговая кабала. Меры по ограничению процента явились следствием ожесточенной борьбы должников-плебеев против кредиторов-патрициев, однако сами эти законодательные акты появились на свет в результате компромисса и были выработаны с участием обеих заинтересованных сторон. В решении проблемы была заинтересована и плебейская знать: в своей борьбе за власть она пыталась привлечь на свою сторону массу рядовых плебеев. На компромиссный характер законодательства указывает тот факт, что, с одной стороны, законом регулировалась процентная ставка, тогда как с другой – долги с процентами так или иначе все-таки должны были возвращаться.

Особенно часто вопрос о задолженности поднимался между 357 и 342 годами. В ряду законов, регулировавших ссудный процент, особый интерес представляет закон 342 г., запрещающий взимать проценты со ссуды (*Liv.*, VII, 42). Некоторые исследователи считают этот закон нелепым и даже вредным. Но говорить о нем в таком аспекте можно, по всей вероятности, только в том случае, если не выходить за пределы чисто кредитных отношений. Между тем многочисленные этнографические параллели показывают, что запрет взимания процентов по долгу существовал, по крайней мере, во многих обществах (наряду, впрочем, с предписанием должнику возвращать заимодавцу немного больше, чем было взято натурального продукта) и требование такого запрета время от времени появляется в программах социальных движений, а занятие ростовщицеством, то есть взимание роста, рас-

смачивается как греховное занятие. В связи с этим закон, запрещающий взыскивать проценты за долги, должно рассматривать как попытку вернуться к идеализированному добродетельному старому времени, когда заем был формой соседской взаимопомощи, обязательной для данного гражданского коллектива, и, разумеется, в этой ситуации не могло быть и речи ни о каких процентах. В свете сказанного закон 342 г. можно понять как проявление характерных для эпохи консервативных умонастроений. Можно, пожалуй, даже говорить о его реакционности, если под словом „реакционность“ понимать его устремленность „назад“, то есть он противоречил тенденциям общественно-политического развития своего времени.

Меры по снижению ростовщических процентов были недостаточно эффективными для улучшения положения должников и закончились неудачей. Объяснение следует искать в их радикальности. Известно, что с развитием экономики вообще и товарно-денежных отношений в частности проценты на ссуду имеют тенденцию к стабилизации и уменьшению (вначале, правда, повышаясь). Однако законы IV в. слишком форсировали этот процесс. Для сравнения можно указать, что в древних государствах с куда более высоким развитием торговли и ростовщичества за ссуду редко уплачивалось менее 10 % годовых. В Вавилоне времен Хаммурапи так называемый „царский процент“ составлял 20 % годовых, в Афинах IV в. до н.э. обычным процентом была драхма с мины в месяц, то есть 12 % в год. В самом Риме к концу Республики процент на ссуду стабилизировался на уровне 12 % годовых и был гораздо выше в провинциях. На этом фоне весьма наивно выглядит попытка установить в аграрном полисе с недостаточно развитыми торгово-финансовыми отношениями, каким был Рим в IV в. до н.э., максимум прибыли ростовщика, составивший вначале 8,33 %, а затем всего 4,17 % годовых. И уже совсем бессмысленным представляется тогда закон Гenuция, отменявший процент вообще. Естественно, что эти законы на практике не выполнялись, даже наоборот, существовавшие проценты увеличивались, поскольку кредиторы брали теперь плату не только за ссуду, но и за риск. Это, в свою очередь, вызывало недовольство плебеев. Таким образом, попытки смягчения долгового вопроса путем ограничения процента со ссуды были с самого начала обречены на неудачу.

Единственным реальным путем хотя бы частичного разрешения долгового вопроса оставалось облегчение участи неоплатных должников. Это и было в конце концов сделано в 326 г. до н.э. с помощью закона, известного как закон Петелия (*Liv.*, VIII, 28). Обращение к вневелиианским источникам (*Varr.*, I.1. VII, 105; *Val. Max.*, VI, 1, 9; *Dion. Hal.*, 6, 58) позволяет выявить три версии повествования об этих событиях, в результате чего представить себе конкретный ход событий можно только в самом общем виде. В последней четверти IV в. до н.э. в Риме происходили волнения по поводу усиления долгового гнета. Поводом для волнений мог послужить эпизод, описанный Ливием: в кабалу к одному из римских ростовщиков, прославившемуся необыкновенной жестокостью, попал молодой и красивый юноша. Эти качества должника воспламенили душу ростовщика к сладострастию и нанесению бесчестия. Сопротивление юноши вынудило ростовщика отдать приказ о наказании его розгами. Молодой человек обратился за помощью к народу. Консулы созвали сенат. „В этот день, – заключает Ливий, – вследствие чрезвычайного

насилия одного человека были уничтожены крепкие путы кредита“ (VIII, 28). Таким образом, волнения народа закончились отменой долгового рабства и освобождением кабальных должников. Закон Петелия отменил лишь долговую кабалу типа *nexum*, в то время как положение другой категории должников – *addicti* – осталось без изменения.

Таким образом, реформа долгового права в конце IV в. до н.э. была актом половинчатым, имеющим ограниченный характер. Несмотря на отмену долгового рабства, оставалась почва для возникновения задолженности. Вместе с тем гарантия личной свободы, предусмотренная законом Петелия, позволяла добиваться и экономического освобождения. Незавершенность реформы привела к тому, что на рубеже IV–III вв. до н.э. в Риме продолжали возникать социальные конфликты на этой основе. В 296 г. начались волнения в связи с обострением долгового вопроса и к суду было привлечено несколько ростовщиков (*Liv.*, X, 3, 11). Мощное выступление плебеев в 287 г., известное под названием третьей сецессии, также явилось следствием большой задолженности плебса (*Liv.*, *per.*, XI).